

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Ведет нас жизнь дорогой
длинной,
Смеяться, плакать или не
плакать — все равно,
Когда звучит напев
старинный...

Давным-давно,
давным-давно,
давным-давно...

Да, это было давно: отважный партизанский отряд, лихой хорнет Шурочка Азарова и влюбленный поручик Ржевский. Фильм «Гусарская баллада» был снят более 20 лет назад. И вот сегодня я обращаюсь с вопросом к народному артисту СССР Ю. В. Яковлеву, исполнителю роли поручика Ржевского.

— Юрий Васильевич, а какое чувство возникает, когда вы просматриваете свои старые ленты? Не появляется ли желание что-то сыграть иначе?

— Какое чувство? Грустно — ироническое. Грустное, что это было давно, ироническое потому, что все происходит и все остается на своих местах, — так и должно быть. Иногда думаешь, что, конечно, сейчас можно было бы сыграть по-другому. Не лучше, а по-другому. Вообще к своим старым работам надо относиться спокойно. Это было сделано, сыграно в свое время. Вероятно, так тогда и было нужно. Но пересмысливать, переигрывать старые роли я, думаю, не надо. Пусть остается все, как было...

очень хорошо. Вообще я считаю, что долговечные спектакли — большая школа для актера. Конечно, всегда интересно сыграть новую роль. Во всякой новой работе бездна неожиданного, можно искать и искать. А в старых спектаклях, казалось бы, уже почти все найдено, определено, переиграно тысячу раз. Но вся прелесть нашей профессии в том, что и в тысячный раз играешь роль так, как будто это премьеры. В моем репертуаре есть еще один спектакль-долгожитель — ему более 20 лет. Это комедия Фредро «Дамы и господа». Он прошел у нас более 700 раз. Чтобы спектакль не развалился, нужно было приложить немало усилий, потому что осо-

окончив театральное училище имени Б. В. Шукина, Ю. Яковлев пришел в Театр имени Евг. Вахтангова. С того дня на сцене театра и кино им сыграно немало ролей: это князь Мышкин и Стыва Облонский, Девятков в телевизионном пьесе А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...», Брюханов в кинодраматологии «Любовь земная» по П. Проскурякину, смешной и трогательный Хлебников в спектакле «Конармия», тонкий, сдержанный Антонио Террачини в «Памяти сердца», по-смешному трагический Ипполит в новой телевизионной феерии Э. Рязанова.

Разные, непохожие герои, порой прямо противоположные характеры. Казалось бы, невозможно актеру все время оставаться самим собой: по самой природе сценического творчества он вечно меняет лица. И все же в каждом из них мы всегда узнаем Юрия Яковлева. Во всех его ролях присутствует стиль, который можно сравнить с чеховским стилем в литературе. Он не в характерах героев, а в манере осмысления образа, в точности, тонкости его игры, которая открывает неожиданные ходы в глубины жизни, в глубь внутреннего мира человека, в глубь природы. Под поверхностью драматургической ткани актер находит философский и психологический подтекст, который насыщает мысль и чувство. Отношение Яковлева к герою всякий раз тонко и неоднозначно. Он — адвокат своих ролей. Он как бы задает зрителю вопрос, вопрос серьезный, несмотря на то, что в актере привыкли видеть героя лирико-комедийного плана.

— Юрий Васильевич, а что вы сами думаете по поводу вашего амплуа? Какие опорные точки существуют при создании образа? Вы ищете внутреннее сходство с героем?

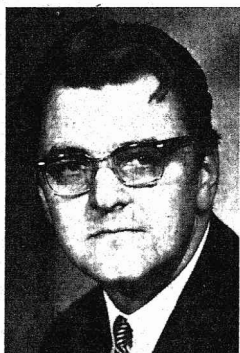
— Для меня всегда интересны роли, в которых я могу найти нечто новое. Интересно преодолевать, неинтересно играть самого себя. Каждый актер что-нибудь ищет. Есть внешние приемы, есть внутренние. Есть походка, грим, а есть роли, которые можно сыграть без всякого грима, и не искать внешней характеристики. Вроде бы это я, и в то же время совершенно на себя не похож. Значит, внутреннее я нашел ход к этому человеку, потому что шел от его мировоззрения его взглядов. С этой точки зрения интересна моя последняя работа в театре. Роль Каренина в спектакле «Анна Каренина». Сразу скажу, что это назначение несколько неожиданное, казалось бы, для моей индивидуальности, амплуа, как вы говорите. Мне ближе роль Стыва Облонского, которого я уже сыграл в кино. Но я был очень рад этой работе. Вместе с драматургом Рошиним и режиссером Виктором мы решили преодолеть традиционность в прочтении образа Каренина и сыграть его так, как написал Толстой. Ведь в течение романа Толстой превращает Каренина в удивительно любящего, тонкого человека. Он — прощает Анну, Вронского. Он принимает дочь Анны. Это — проявление самой высокой человечности и доброты, то, чего я хотел добиться в Каренине. Не знаю, насколько мне это удалось, но я следовал только А. Н. Толстому.

— А над чем вы работаете в театре сейчас?

— Евгений Рубенович Симонян приступил к постановке пьесы М. Цветаевой «Три возраста Казанова». Там есть молодой Казанов, средних лет и уже на склоне жизни. Я играю самого старшего.

Арбат, 26. «Принцесса Турандот». Уже больше 2.000 раз прошла она на сцене. И все равно: «Нет ли лишнего билетика?» Наверное, эти люди просто очень хотят увидеть радугу. Веселую, пеструю, необычную радугу. И еще они верят своим любимым актерам, которые каждый спектакль играют как премьеру. И, наверное, именно поэтому во всех домах непременно зажжены экраны телевизоров, когда вдруг... зазвучит «напев старинный...».

Е. ЗОРОХОВИЧ.

Встреча СЕГОДНЯ И ДАВНЫМ-ДАВНО

Наш собеседник —
народный артист СССР Юрий ЯКОВЛЕВ

Арбат, 26. Театр имени Евг. Вахтангова. С. Я. Маршаку принадлежат известные строки о нем. «Что такое вахтанговский стиль? Возьмите камень, обвяжите его веревкой и крутите. У вахтанговцев сразу образуется радуга, а у некоторых других — камень на веревке». Вот такой необычный театр. И центральный спектакль, который стал творческим кредо этого театра, тоже необычен. В нем с упоением торжествует фантазия, незаурядность человеческого духа. «Принцесса Турандот» идет на сцене с 1922 года, в ней сменялось четыре поколения актеров. На протяжении многих лет одну из главных ролей в спектакле исполняет Ю. Яковлев.

— Вы сказали, что, просматривая старые фильмы, порой возникает желание что-то сыграть иначе. А в театре? В вашем репертуаре есть несколько спектаклей-долгожителей. Изменяются ли роли, которые вы играете много лет?

— Конечно. Спектакль 300-й, безусловно, отличается от первого, но отличается лишь нюансами, какими-то находками, которые отыскиваешь сам или которые подсказаны зрителем. А главное остается. Потому что существует определенный режиссерский рисунок роли, не поддающийся изменениям, ибо он связан с общей режиссерской концепцией постановки, другими ролями.

— А чем, на ваш взгляд, объясняется долголетие спектакля?

— У каждого такого спектакля свой секрет. Например, «Турандот». В прошлом сезоне мы сыграли ее в 2.000-й раз. Ее секрет — в импровизационности. Играя этот спектакль, нужно все время импровизировать. Этого требовал и сам Вахтангов. Не всегда получается, но когда удается, спектакль принимается

бленно трудно сохранять свежесть и непосредственность комедийной интонации. Кажется, все исчерпано. Какой еще сарказм можно извлечь из давно известного образа? Я нашел секрет. Я понял, что эту пьесу всегда надо играть как премьеру. Это не ново, об этом писал и Вахтангов...

— Спектаклю «Насмешливое мое счастье», где вы исполняете роль А. П. Чехова, тоже почти 20 лет.

— Да. Мы играем его с 1965 года. Но он прошел не так много для 20 лет — около 300 раз. К моему великому счастью, он не успел стать заигранным. Благодаря кому? Благодаря Антону Павловичу Чехову. Как вы знаете, эта пьеса составлена из его переписки. В спектакле мы добились того, что стали как бы посредниками между Чеховым и зрителями. Нашей задачей было донести удивительную мысль Антона Павловича, его настроение, его сердце. И всегда, выходя на сцену, в каждом письме, в каждом диалоге я стараюсь найти новую интонацию его мысли. Вся 300 раз. Вы представляете, как это интересно! Иногда спектакль бывает веселым, бывает необыкновенно грустным, зал не дышит, не смеется, а апатичен, глотает, или вдруг возникает очень лирическая струя в письмах к Лике Мизиновой. Повторю каждый раз спектакль звучит по-разному...

Это не единственное за последние время обращения актера Ю. Яковлева к Чехову. Не так давно на телевидении был показан пятисерийный фильм «Путешествие к Чехову» — художественно-научно-литературная попытка осмысления личности Антона Павловича Чехова и как писателя, и как человека, в котором принимал участие и Ю. Яковлев.

Пожалуй, близость актера Чехову не случайна. В 1952 году,